

ЕВГЕНИЙ ЗАМИРОВИЧ ТАРЛАНОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета ПетрГУ

Рец. на кн.: Старк В. П. Жизнь с поэтом. Наталья Николаевна Пушкина: В 2 т. – СПб.: Вита Нова, 2006.

Тема личной, частной жизни Пушкина, как известно, была окружена ореолом запретности, определенным, в первую очередь, его собственными суждениями, а впоследствии – и собственной волей. Известная пушкинская формула о «ничтожности» поэта «средь детей ничтожных мира», не вполне ясная на поверхностный взгляд, как раз и подразумевает в читателе и критике представление о тех изначально существующих в обществе границах интереса к личности автора, которые закономерно отделяют ее творческую ипостась от поступков и контактов частного человека. Во мнении Пушкина эта черта в общественной жизни была настолько важной, что сам поэт желал живого употребления в России понятия семейной неприкосновенности (*inviolabilite de la famille*) в качестве юридического термина, а отвращение его к обывательской жадности до, говоря современным языком, жареных фактов явственно видно из отсутствия сожаления об утраченных записках Байрона. Семейная же жизнь с Натальей Николаевной Гончаровой, естественно, покрывалась особенно строгой тайной. Однако именно жене Пушкина и посвящено новое двухтомное исследование историка, искусствоведа, специалиста по русской генеалогии В. П. Старка, снабженное фундаментальной иконографией.

Уже первое знакомство с его книгой «Жизнь с поэтом» показывает, что демонстрируемые в ней подходы и трактовки В. П. Старка счастливо избегают двух хорошо знакомых крайно-

стей в освещении предмета, а именно приторно-старомодной олеографичности и нарочитой сенсационности тона, переходящей в бульварность, – того, что могло портить вкус многих авторов, затрагивавших семейную драму Пушкина в прежние годы. «Жизнь с поэтом» рисует историю русского быта начала XIX века, литературно-общественного и частно-родового, она написана историком русского дворянства золотой поры, и оттого трагедия Пушкина рассказывается на фоне необозримой мозаики самых разнообразных фактов и документов в единственно возможном для пушкинского времени тоне изысканного светского приличия.

Разыскания автора книги, построенные на обширных и малоизвестных широкому читателю материалах, направляются, главным образом, против одной из заметных черт нашей пушкинистики прошедшего столетия – стремления видеть в Наталье Николаевне малосодержательную и даже внутренне чуждую поэту светскую красавицу, пассивно влекомую стечением трагических обстоятельств. Легенда эта, в развенчании которой очень большую роль сыграли публикации И. Ободовской и М. Дементьева, тем не менее сама по себе уже имеет весьма почтенную историю, восходя к мнениям людей во многом *иной* эпохи – М. И. Цветаевой, А. А. Ахматовой и отчасти В. В. Вересаева.

Истинная причина подобной односторонности, на наш взгляд, состоит в том, что сверстни-

ки Цветаевой и Ахматовой, люди начала XX века, уже не всегда понимали дистанцию между эпохами в смысле внешнего демократизма общественной, как, впрочем, и личной, нормы. Отчество и юность как Цветаевой, так и Ахматовой совпали с веяниями принципиально новых времен – времен расцвета сравнительно массового и публичного женского высшего образования, а реалии середины XX столетия ставили выпускницу Высших историко-литературных курсов и слушательницу Сорбонны перед необходимостью ежедневно решать такие рутинные вопросы повседневного быта, которые не могли и не должны были занимать женщину из общества пушкинского времени, равную им по интеллектуальному статусу. Несколько натуралистические акценты, расставлявшиеся в биографии Пушкина В. В. Вересаевым, также несут на себе отпечаток рубежа веков, вызывая в памяти отчетливый ницшеанко-имморалистический контекст. Нюансы поведения Пушкина, объективно связанные с инокультурным компонентом его воспитания и нередко шокировавшие публику века XIX, он приближал к восприятию новым читательским поколением. Биографические очерки и компиляции Вересаева начинали собой новую, советскую, пушкиниану, однако они ясно отдалялись от слашевого трафарета образа Пушкина, необходимого советскому же обывателю всего лишь для росписи в «книге духовности», – если использовать выражение Сергея Довлатова.

Мы отнюдь не случайно позволили себе экскурс в историю пушкинистики. Глубокие и кропотливые генеалогически-бытовые разыскания В. П. Старка знаменуют новый этап изучения внешней биографии и Пушкина, и близких к нему людей. В интерпретации событий его семейной жизни петербургский филолог и искусствовед при помощи тонких и точных штрихов показывает читателю *сопряжение быта и бытия*. Как и все люди, Пушкин и Наталья Николаевна в обыденном общении беспокоятся за семью, обсуждают детали служебного положения, обдумывают устройство судьбы близких. В публикуемых В. П. Старком документах Пушкин предстает и в качестве трезвого и проницательного юриста, консультирующего семью Гончаровых по поводу режима управления именем А. Н. Гончарова после замужества внучки. Заметим при этом, что программа Лицея включала в себя достаточно обширный курс и юридических наук.

Изображая многоцветную панораму частного и общественного быта пушкинской эпохи, В. П. Старк – и в этом его большая заслуга как пушкиниста – закономерно и ясно останавливает внимание современного читателя на трех объективных чертах окружавшей реальности, которые могут быть не вполне осознаны в силу исторической дистанции.

В первую очередь, это необычайная генеалогическая разветвленность русского дворянского общества пушкинского времени, как правило,

еще сохранявшая свою актуальность. Человек светского круга осознавал родственные связи непременной составляющей ежедневного общения и процедуры знакомства в первую очередь, а тем более – заключения брака. Так, среди показательных для атмосферы времени фактов – планировавшееся супружество А. С. Пушкина с его дальней родственницей в шестой степени Софией Федоровной Пушкиной; желание новобрачного поэта познакомить с родственниками жены дядюшку Матвея Михайловича Сонцова – мужа Елизаветы Львовны Пушкиной; известный Александру Сергеевичу факт дальнего родства с «кузеном» Е. Ф. Канкриным, министром финансов, супругом кузины Муравьевой; вхождение в опекунский совет над детьми А. С. Пушкина двоюродного дяди Натальи Николаевны Г. А. Строганова и многие другие.

Второй из существенных черт дворянского быта этой эпохи выступает интенсивность французского культурного влияния – языка, воспитания, жизненных представлений. Его степень и масштабы в пушкинское время были уникальны, резко выделяясь даже на фоне последующих десятилетий века, и без того в России много бравшего от Франции. Зримым свидетельством такого положения, не вполне понятного уже цветаевскому поколению, являлось, с одной стороны, несметное число ситуаций, где французский язык требовался этикетом, а следовательно, и допускавшаяся им значительно большая свобода выбора тем и средств разговора, а с другой – культивированное в обществе также чисто французское искусство словесно-интеллектуальной игры. В этом русле находится, в частности, органично введенный в текст книги фрагмент светской беседы Дениса Давыдова, ставший затем эпиграфом к «Пиковой даме», равно как и эпиграмматическое мастерство Пушкина, которое оттачивалось начиная с лицейских лет. В аспекте межличностных отношений французские воспитание и влияния полностью санкционировали, прежде всего, принятые в обществе формы обхождения с женщиной. Возможно, в Пушкине именно этого не принимал воспитанник немецкой культуры – директор Лицея Егор Антонович Энгельгардт.

Третья из очерченных В. П. Старком фундаментальных особенностей дворянского быта пушкинского периода имеет в действительности, однако же, самое непосредственное отношение к формированию жизненных принципов главной героини книги – Н. Н. Гончаровой. Значительная роль, которую невозможно, по мнению исследователя, недооценивать, принадлежала бытовой религиозности – в таких контекстах идет все изложение событий, соотносимое с церковным календарем и показательно сопровождающееся подчас цитированием церковных служб. Исполнение предписанных православием обрядов, конечно, входило в архетип поведения женщины пушкинского времени, а в конкретном случае

Натальи Николаевны это еще усугублялось суровым нравом богомольной матери и очень традиционной обстановкой провинциального имени. Об этой стороне повседневной жизни русского дворянства, нужно отметить, автор книги повествует без ухода в свойственные некоторым пушкиноведческим трудам последних лет преувеличения: в согласии с понятиями среды и времени им проводится отчетливое различие между естественным уважением к традиции и догматическим благочестием.

Приводимые В. П. Старком в обширном количестве документы, помимо всего прочего, также убедительно раскрывают весьма сложное бытовое и психологическое положение Александра Сергеевича накануне и после женитьбы. Фон событий Французской революции в «Андрее Шенье», «Гавриилиаде» и донжуанский список в альбоме Ушаковой составляют ему общественную репутацию политического вольнодумца и человека сомнительной нравственности – фактическую причину не только расстройства отношений с С. Ф. Пушкиной и А. Н. Олениной, но и значительных трудностей в общении с матерью невесты, а затем тещей Н. И. Гончаровой. Чертеж времени: к пассажам о семейных ссорах и размолвках перо Пушкина обращается только на французском. Отстраняясь от необходимости употребления слишком приземленных русских оборотов (*faire maison nette* – сменить прислугу), оно вуалирует детали и тем придает семейной картине намеренно безличную форму даже на страницах частного письма, французский этикет диктует официальные обращения в письмах к А. Х. Бенкендорфу – *comte et mon general*.

Между тем для истории русского общества интересно, что, охраняя «тайну семейной жизни» от бесактностей посторонних, Пушкин как первый русский поэт осознает себя в то же время и первой русской публичной фигурой европейского типа и не считает возможным пренебречь широким демократическим читателем. Свой автограф Пушкин дает представителям совершенно иной среды – калужскому книгопродавцу Антипину и его приятелю-мещанину (!). Ни Карамзин, ни Жуковский поступать подобным образом просто не могли, и этот малоизвестный факт открывается общему обозрению впервые именно со страниц книги современного петербургского исследователя.

В чем же состоял острый драматизм, если не трагизм последних лет Пушкина? Как смотрел на ситуацию Николай I? И, наконец, каким же все-таки было реальное положение Натальи Николаевны?

С позиций здравого смысла и знания эпохи книга В. П. Старка позволяет дать ясные ответы

на эти вопросы, счастливо избегая демонизации императора, как, впрочем, и тенденции видеть в Пушкине обычного приверженца монархического принципа. В обстановке приватной аудиенции первый поэт России выразил понимание позиции разделявших идеи Французской революции друзей молодости и, вне сомнения, не мог быть вполне благонадежным в глазах власти. Средством эффективного, но вместе с тем и тактичного контроля над ним виделась государственная служба, условия которой ставили явные пределы творческой независимости. Необыкновенный драматизм личной ситуации в семье Пушкина, думается, проистекал из острой культурной коллизии между французским стандартом этикетного поведения светского человека и выходящей за ее пределы реальной ролью Пушкина как общественной фигуры. Положение Натальи Николаевны осложнялось тем, что от нее ожидалось следование двум противоположным линиям жизненного поведения: королевы бала, купающейся в пряных волнах светского флирта, и рачительной хозяйки дома, матери растущего семейства, друга и помощницы (к примеру, рукой Н. Н. переписаны начальные страницы «Записок Екатерины II»). Это важное противоречие не было достаточно учтено юной супругой первого поэта России, однако позже оно было осознано ею в полной мере. Что же до реакции на происходившее самого Николая I, беспристрастный свод документов, представленный читателю В. П. Старком, говорит о том, что она в полной мере вписывалась в проявление светского такта.

В свое время один из газетных обозревателей начала XX столетия высказывался о «процессе русской литературы над Натальей Гончаровой». Исследование В. П. Старка еще и еще раз указывает на беспочвенность и неуместность обвинительного тона по ее адресу. Наивысшим мерилом оценки человека для Натальи Николаевны до конца дней было отношение к Пушкину. Она воспитала детей Пушкина в безграничной любви к отцу и сердечных чувствах к отчиму, искреннему почитателю пушкинской личности, и сознательно готовила старшего сына Александра Александровича к роли хранителя архива отца, завещая оставить его лишь в России. Она находила радость в детях, отвечая за семью фактически из десяти детей.

Годы и столетия отделяют нас от семейной трагедии Пушкина. Она была организована, но среди ее главных жертв не нашлось «детей ничтожных мира», бездушных марионеток в руках судьбы. Книга В. П. Старка доказала это еще раз – теперь уже, думаем, навсегда.